

МАЙКОПСКАЯ КУЛЬТУРА: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ УСТЬ-ДЖЕГУТИНСКОГО И ПСЕКУПСКОГО ВАРИАНТОВ¹

А Л Е К С Е Й Р Е З Е П К И Н

Maykop Culture: Issue of Chronology and Cultural Relationships of the Ust-Dzheguta and Psekupsk Variants. The article discusses the issues of the multi-component composition of the Maykop culture, the origin and analysis of each component. Based on this, the heterogeneity of the culture is shown and the local (Psekups and Ust-Dzheguta) cultural parameters of the Maykop culture are clearly defined. Based on specific material, a general tendency was noted for the advancement of the Late Neolithic population of the steppes from Central Europe to the North Caucasus, which was probably caused by the relative overpopulation of the population of the funnel-shaped goblet culture group.

Keywords: North Caucasus, Maykop culture, chronology, cultural ties.

ВВЕДЕНИЕ

Майкопская культура, как хорошо известно, занимает территорию практически всего Северного Кавказа. Она, на основе около сотни радиоуглеродных датировок относится в целом к IV тыс. до н. э. Актуальность данной работы заключается в необходимости показать качественные отличия между псекупским и усть-джегутинским (галюгаевско-серегинским по С. Н. Кореневскому) вариантами майкопской культуры, а главное, определить факторы, повлиявшие на эти отличия. Также считаю необходимым, на основе специфического материала (посоховидные булавки или застежки) проследить их распространение от Центральной Молдавии (зоны стыка позднего триполья с культурами воронковидных кубков) до Центрального Предкавказья. Важно отметить, что в крайних точках ареала булавок они встречаются вместе с ранними воронковидными кубками (Бурсучены, Синюха) которые, по моему мнению, явились одним из факторов в формировании псекупского варианта майкопской культуры.

ПОГРЕБЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В своей обширной по собранному материалу работе (Кореневский 2004) одну из глав посвятил описанию форм погребальных памятников «майкопско-новосвободненской общности», хотя при описании он их называет просто майкопскими (Кореневский 2004, 15–22). Предложенная мной ранее классификация форм погребальных сооружений (Резепкин 1989), как он считает, нуждается в дополнении. Оно выразилось в том, что пред-

ложенные мной первые два типа, выделенные по такому признаку как длина ямы, он разделил на четыре, по тому же признаку (Кореневский 2004, 16, 17). Он также отметил редко встречающиеся удлинённые пропорции ряда могил, которые концентрируются практически только в двух удалённых друг от друга могильниках: Сунженском в Северной Осетии (12 погребений) и в Абинском (6 погребений) и собрал в таблицы размеры почти всех, как майкопских, так и новосвободненских погребений (Кореневский 2004, 17, 115–117). Думаю, разделить могилы на две или четыре группы по такому признаку как ее длина, не суть важно, поскольку степень дробности деления, дополнительной информации не несет. Но относить к майкопской культуре могилы «с рамой» или срубом на древней поверхности, тем более мегалитические конструкции, на мой взгляд, является методической ошибкой, поскольку при привлечении других критериев, таких как собственно погребальные комплексы, между ними выявляется серия качественных различий. С достаточной очевидностью можно утверждать, что подавляющее число погребений на Северном Кавказе можно отнести к двум культурам: майкопской и новосвободненской. Наиболее полные и обоснованные аргументы о генетической и культурной самостоятельности новосвободненской культуры от майкопской мной были изложены в монографии (Резепкин 2012а). В данном случае я хочу выделить наиболее специфические черты в погребениях и поселениях вышеназванных вариантах майкопской культуры. Р. М. Мунчаев еще в 1975 году, среди материалов курганного могильника Усть-Джегута, расположенного в среднем течении реки

¹ Работа создана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект № 18-09-00568 А.

Кубань, по конструкции курганов и деталям обряда захоронения выделил раннюю группу, которая и относится собственно к майкопской культуре (Мунчаев 1975).

УСТЬ-ДЖЕГУТИНСКИЙ ВАРИАНТ: ПОГРЕБЕНИЯ

Для этого варианта характерны земляные курганы без каменных насыпей над могилами (рис. 1). Погребения совершались только в больших, как правило, прямоугольных, иногда вытянуто-прямоугольных ямах. Длина ямы, по длинной оси, была не менее 2,4 м. Иногда стены и дно облицовывались камнем либо галькой, с некоторыми, очень редкими нюансами, это практически единственный тип погребального сооружения. Поза погребенных почти всегда на правом боку, костяк лежит скорчено, кисти рук перед лицом, головой в южный сектор (рис. 2: А1, А2). Инвентарь: круглодонные, либо со слегка уплощенным дном сосуды с венчиком, резко, под углом отходящим от тулова (рис. 2: А5–А7) или с прямым, или слегка отогнутым венчиком, край которого снаружи имеет форму валика –

«губы» (рис. 2: А3, А4), редко – круглодонные миски (рис. 2: А8) и амфоры с плоскими, вертикально посаженными от шейки к основанию плечиков ручками (рис. 2: А9). Тесто, как правило, тонко отмученное, прекрасного обжига и лощения. Орнамент отсутствует, на некоторых сосудах имеются так называемые «метки гончара». Металл хорошо описан (Корневский 2011; Rezerkin 2010). Ножи с невыделенной или с очень слабо выделенной рукоятью, мотыги, топоры с симметрично расширяющимся клинком (Майкопский курган), тесла с овальной пяткой, долота (рис. 2: Б). Этот тип погребений и инвентаря и нужно отнести собственно к усть-джегутинскому варианту майкопской культуры. Мною учтено 45 погребений этого варианта.

УСТЬ-ДЖЕГУТИНСКИЙ ВАРИАНТ: ПОСЕЛЕНИЯ

К настоящему времени известно 5 поселений, раскопки которых проводились более или менее основательно. Все они расположены в равнинной зоне Северного Кавказа. Майкопские жилища были круглыми в плане, стены сделаны из

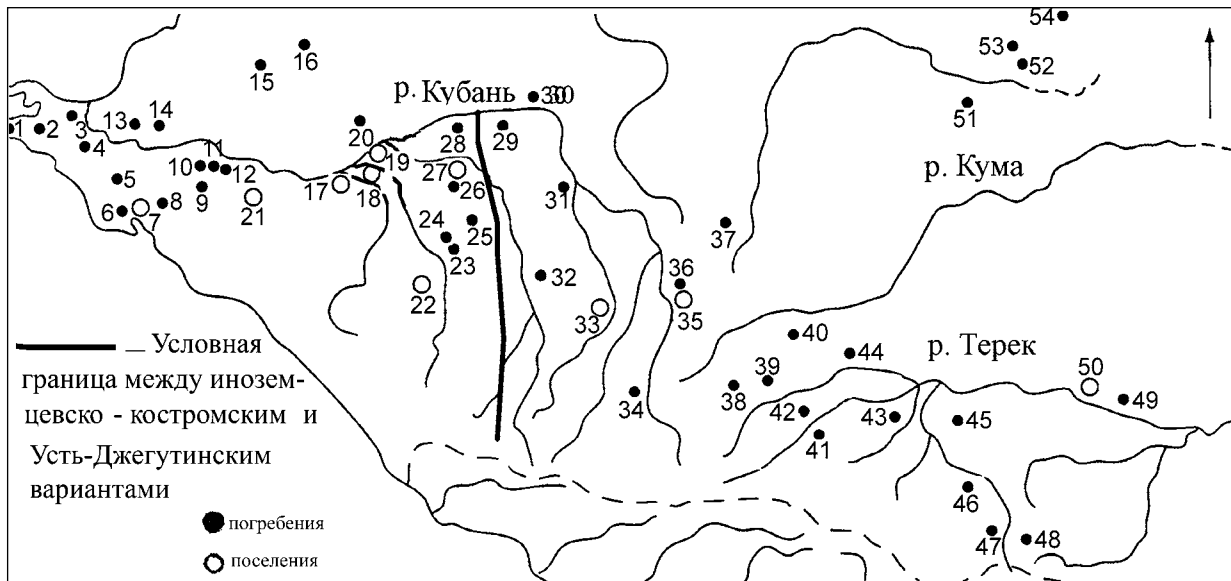

Рис. 1. Ареал памятников майкопской культуры. Псекупский вариант: 1 – Тузла; 2 – полуостров Фонтан; 3 – Сенная; 4 – Кепы; 5 – Натухаевская; 6 – хутор Рассвет; 7 – Дюрсо; 8 – Раевская; 9 – Ястребовский; 10 – Общественный II; 11 – Общественный I; 12 – 742-й км; 13 – Темрюк; 14 – хутор Коржевского; 15 – Тимашевская; 16 – Олений I; 17 – Псекупское поселение; 18 – поселение Пхагугапе; 19 – Беляевское поселение; 20 – Старомышастовское поселение; 21 – поселение Чекон; 22 – поселение Орлов Ерик; 23 – Майкоп; 24 – Майкоп 1; 25 – Келермеская; 26 – Чернышов; 27 – Серегинское; 28 – Красногвардейское. Усть-джегутинский вариант: 29 – участок Зиссерманов; 30 – Казанская; 31 – Армавир; 32 – Владимировская; 33 – Большетегинское; 34 – Кардоник; 35 – поселение Усть-Джегутинское; 36 – могильник Усть-Джегутинский; 37 – Воросковолесская; 38 – Занозина Балка; 39 – поселение Горячеводский; 40 – хозяйство Гранит; 41 – в Садках; 42 – Лечинкай; 43 – Кудяхурт; 44 – Иноземцево; 45 – В. Акбаш; 46 – Старый Урух; 47 – Заманкул; 48 – Сунжа; 49 – Комарово; 50 – Галюгаевское; 51 – Чограй 1; 52 – Зунда-Толга; 53 – Манджикены 1; 54 – Эвдык.

прутьев и глины, и так называемые «очажные подставки» из глины. Набор форм керамики поселений более богат. Он включает все формы сосудов, найденные в погребениях (рис. 2: А). Подавляющее большинство поселений расположено в восточной части Северо-Западного Кавказа и прилегающему к нему Центральному Предкавказью (рис. 1).

ПСЕКУПСКИЙ ВАРИАНТ: ПОГРЕБЕНИЯ

Памятники этого варианта майкопской культуры занимают центральную и западную часть Северо-Западного Кавказа (рис. 1). Для этого варианта типичны погребения в небольших ямах, иногда с заплечиками. Несколько погребений были найдены на древней дневной поверхности и обложены камнем, что, по моему мнению, является следствием влияния новосвободненской культуры. В большинстве своем, поза и ориентация погребенных такая же, что и в предыдущем варианте, но встречается и широтная ориентация (рис. 2: А10). Набор форм изделий из металла практически аналогичен предыдущему варианту: тесла с овальным обушком, мотыги, топор, кинжалы с невыделенной рукоятью (рис. 2: Б). Погребения наряду с типичной майкопской керамикой, нередко содержат керамику с пролощенным орнаментом (рис. 2: А11; 3: А1) и ранне-новосвободненские кубки и миски в смешанных, майкопско-ранне-новосвободненских комплексах (рис. 3: А4, А5). К примеру, курганный могильник Общественное II (Сорокина/Орловская 1993), курганный могильник Уашхиту I (Корневский/Днепро-ский 2003), часть погребений нижнего стратиграфического горизонта в Кладах (Резепкин 2012а), что явно свидетельствует о новосвободненском влиянии на раннем этапе его развития. Мною учтено 54 погребения (рис. 1).

ПСЕКУПСКИЙ ВАРИАНТ: ПОСЕЛЕНИЯ

К настоящему времени известно 13 поселений, раскопки на 8 из которых проводились более или менее основательно. Все они, за исключением одного, расположены в равнинной зоне Северного Кавказа (рис. 1). Майкопские жилища были круглыми в плане, стены сделаны из прутьев и глины, на территории поселений находились гончарные печи разных типов, так называемые «очажные подставки» (рис. 3: Б3) и модельки колес из глины (рис. 3: Б2). Керамика в основном такая же, как и в усть-джегутинском варианте, но имеет и свои качественные отличия, в частности,

пролощенный орнамент (рис. 3: Б1). Кроме керамики, остальные категории материала на поселениях представлены очень мало. Из бронзовых предметов найдены: кинжалы с невыделенной рукоятью и мотыга, очень редки находки предметов из кости, кремневые наконечники стрел флажковидного типа, изделия из камня. Мной была предложена классификация керамики майкопской культуры с целью определить, какие формы керамики и на каких поселениях статистически доминируют. Была обработана керамика из 8 поселений общим количеством 2984 единиц. Количество выделенных форм на поселениях разное, поэтому прямое сравнение поселений по выделенным формам будет неправильным. Сделано соотношение процентов разных форм внутри каждого поселения. Затем сделано соотношение поселений по выделенным формам керамики. Это показало, какие поселения наиболее близки по выделенным формам керамики (Rezepkin 2017, 46, 47, рис. 3–5). В результате проделанного статистического анализа керамики майкопских поселений по предложенной типологии мисок (Резепкин/Поплевко 2009) и сосудов (Резепкин 2012а), а также погребальных сооружений, были выделены территориальные ареалы поселений майкопской культуры: усть-джегутинский и псекупский (рис. 1).

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПСЕКУСКОГО ВАРИАНТА МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культурная близость лейлатепинской (территория современного Азербайджана) и майкопской культур, благодаря прежде всего, работам Наджафа Мусеибли, сейчас сомнений уже ни у кого не вызывает. По сути, лейлатепинская и майкопская культуры объединяются в «мега-общность» эпохи передне-восточного позднего халколита (Мусеибли 2013, 60) в отличие от предложенной С. Н. Корневским «майкопско-новосвободненской общности» (Корневский 2004; 2011), где эти два компонента имеют генетически разное происхождение. Более того, я считаю, что усть-джегутинский вариант майкопской культуры, в свою очередь, в целом является периферийным вариантом лейлатепинской культуры. По крайней мере, детальное сопоставление форм керамики одного из памятников майкопской культуры – поселения Усть-Джегутинское – с керамикой из поселения лейлатепинской культуры Бекюк Кесик в Азербайджане (Rezepkin 2017, 48, рис. 7) дает наглядное представление о значительном сходстве целого ряда форм керамики (Резепкин 2012а; Резепкин/Поплевко 2009). Аналогичные

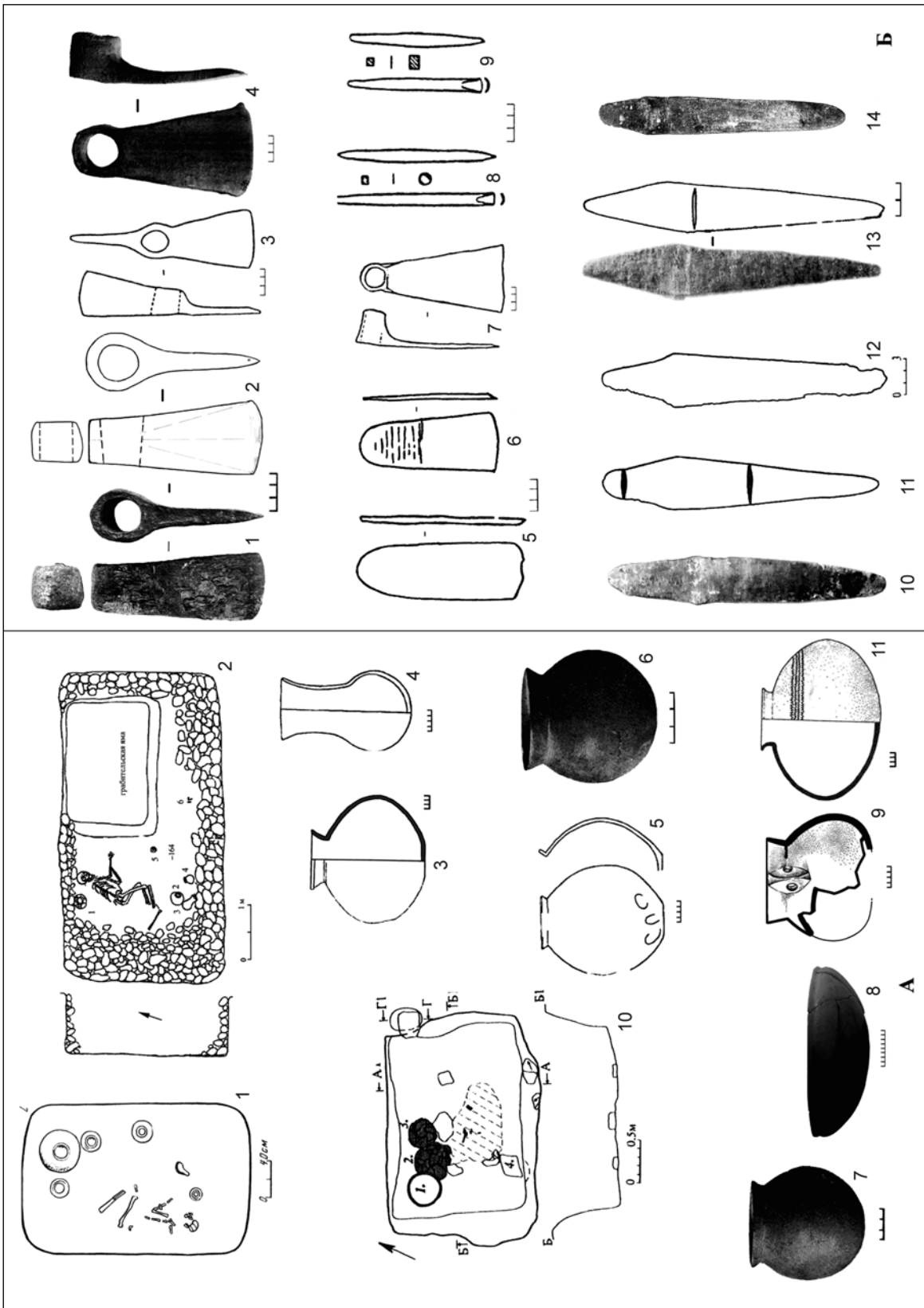

Рис. 2. Тип погребений усть-джегутинского варианта (А1-А9, А11); тип погребений псекупского варианта (А10); металл майкопской культуры (Б1-Б14).

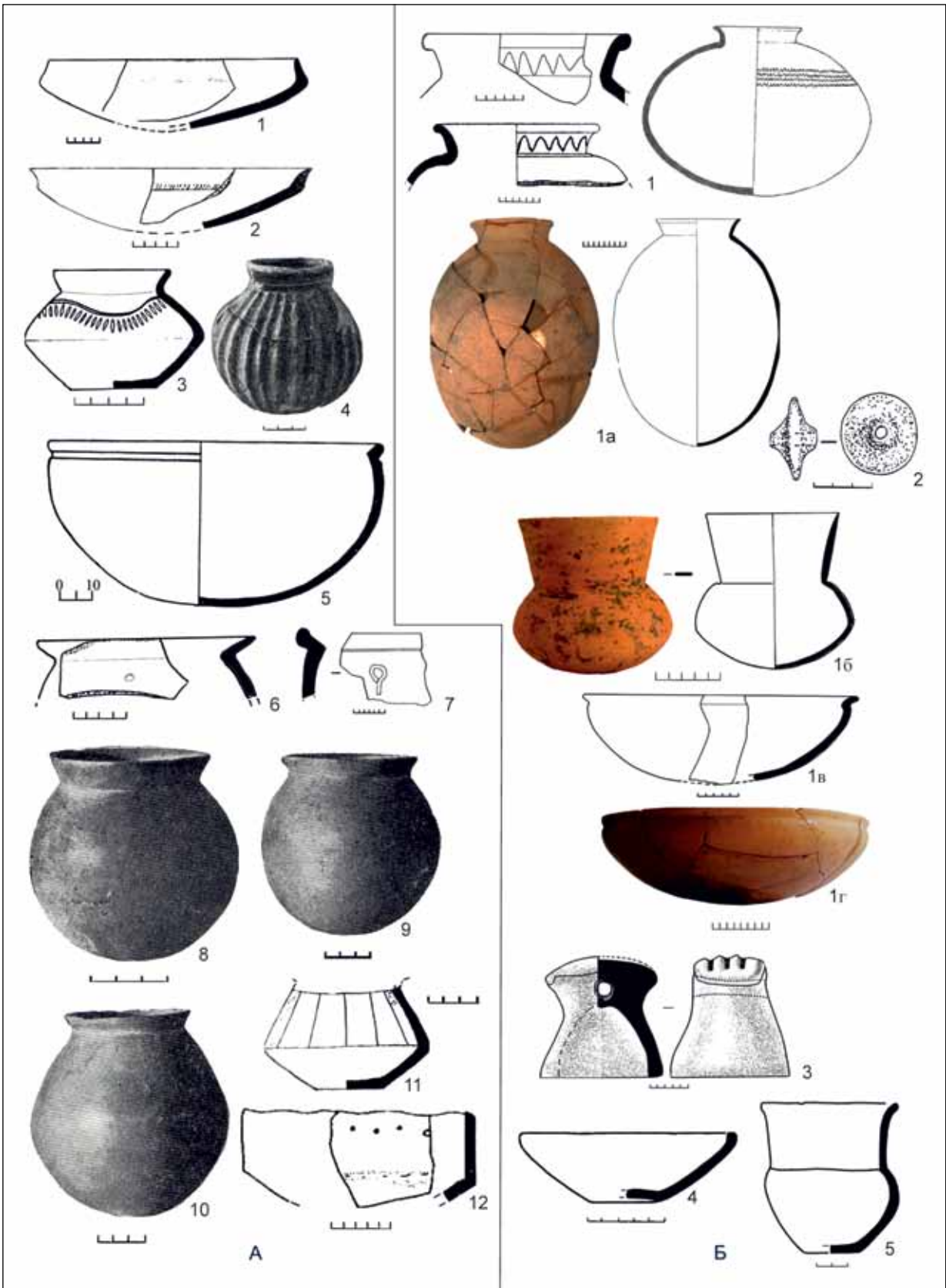

Рис. 3. Керамика майкопской культуры. А – усть-джегутинский вариант; Б – псекупский вариант.

Рис. 4. Материалы поселения Чекон и их параллели. 1 – статуэтка; 2 – печать (по Бочковой и др. 2013); 3–6, 11 – поселение Чекон (по Юдин/Кочетков 2019); 7 – Tell Rubeidheh (по Suylar Young/Killick/Watson 1988); 8 – поселение Псекупс (по Ловпаче/Дитлер 1988); 9, 10 – поселение Беляевское (по Резепкин/Поплевко 2009); 12 – Tell Tello (Дувр, инвентарный №-A01579); 13 – Восточный Маныч, курганный группа 3, курган 16, погребение 13 (по Шишлина 2007); 14 – Шарахалсун-6, курган 5, погребение 7 (по Яковлев/Самойленко 2003).

формы керамики, к примеру, происходят из памятников Верхней Месопотамии позднего восточноанатолийского халколита телья Арслан-Тепе (слой VII) и миски из поселения Хачинеби Тепе (*Rezepkin 2017*, 48, рис. 7) откуда, в частности и берет начало лейлатепинская культура. Но отличие псекупского варианта майкопской культуры от лейлатепинской, как я думаю, состоит в том, что в ее формировании принимал участие и тот поздний восточноанатолийский халколит, который уже был подвержен влиянию среднего Урука, распространившегося к этому времени в верховьях Тигра и Евфрата. Это, как представляется, мы и наблюдаем на памятниках этого варианта майкопской культуры. Подавляющее большинство памятников этого типа расположено в нижнем течении реки Кубань. На них же были обнаружены и глиняные модели колес (рис. 3: Б2). Влияние Урука проявилось в появлении пролощенного орнамента на типично майкопских сосудах: с шаровидным туловом, слегка уплощенным дном. В частности в виде таких специфических композиций, как зигзаг на шейке сосуда (рис. 3: Б1; 4: 8–10), что характерно и для урукской керамики (рис. 4: 7). Появились двух-трех ручные амфоры с ленточными ручками (рис. 4: 13, 14), что также типично для среднего Урука (рис. 4: 12), пролощенный орнамент в виде косой сетки (рис. 4: 13, 14), который также хорошо известен в среднем Уруке (рис. 4: 12), но всего этого нет на керамике восточноанатолийского халколита.

Одна из наиболее интересных находок была сделана на поселении Чекон. Это цилиндрическая печать (рис. 4: 2). Цилиндрические печати появились в период среднего Урука и получили широкое распространение по всему Переднему Востоку (*Mazzoni 2000*, 100, 101). Эту печать можно отнести к так называемому геометрическому стилю. Ближайшую аналогию ей удалось найти на поселении Телья Лейлан, расположенного на северо-востоке Сирии (*Parayre 1987–1988*, 136, рис. 1). Образец из поселения Телья Лейлан относится к более позднему времени, чем из поселения Чекон. Печати этого стиля обнаружены в слоях с 39 по 14, они включают в себя время с конца Урука, весь период Джемдет Наср и до архаических династий Ура (*Parayre 1987–1988*, 128, 129).

Серия калиброванных радиоуглеродных дат, как среднего Урука (*Boese 1995*, 256, 272, рис. 15), так и майкопских памятников (*Корневский/Резепкин 2008*), имеющих эти признаки, полностью совпадает – вторая треть IV тыс. до н. э. Вторая, не менее интересная находка на этом поселении, это глиняная статуэтка серезлиевского типа (рис. 4: 1). Авторы публикации (*Юдин/Кочетков 2019*) верно отнесли ее к кругу памятников ши-

рочанско-баратовского (животиловского) типа эпохи позднего триполья. К настоящему времени поселение имеет уже серию дат. Авторы дат «с известной долей осторожности» отнесли его к диапазону от 3700 до 3200 до н. э. с вероятным сужением до 3600–3400 до н. э. (*Гей/Зазовская 2013*, 81–84). Новые даты показали позднюю позицию поселения Чекон в ряду майкопских памятников. Полученные по костям животных к настоящему времени шесть дат, за исключением одной (К1-19619–19624), укладываются в хронологический диапазон 3400–2900 до н. э. (*Юдин/Кочетков 2019*, 86). Если учесть весь набор дат по майкопской культуре, то последние шесть дат представляются довольно поздними. Кинжалы без выделенного черешка найденные на поселении (рис. 4: 11) однозначно свидетельствуют о том, что оно существовало до времени появления двухкамерных гробниц в Кладах, то есть не позже 3500–3400 до н. э. Бронзовый топор, найденный на этом же поселении, по форме явно не майкопский, но и не новосвободненский (рис. 4: 5), как пишут авторы статьи (*Юдин/Кочетков 2019*, 87). Для новосвободненский топоров характерен диагностирующий признак: выступ «горбинка» под внешней частью проушиного отверстия. Но точная типологическая характеристика топора из Чекона может быть дана только после его публикации в рисунке.

ДИСКУССИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Но псекупский вариант включает в себя не только поздневосточный халколит, который уже нес в себе компоненты среднего Урука, но что очень важно, он в значительной степени был подвержен и европейскому влиянию, а именно блоку культур воронковидных кубков, вероятнее всего, его баальбергскому варианту, что мной отмечалось неоднократно (*Резепкин 1982; 1991; 2012a; 2012b; 2013*). В частности, на поселении Чекон, еще при раскопках В. В. Бочковой (*Бочковой и др. 2013*) найдено несколько десятков фрагментов сосудов, типичных для ранних воронковидников: чернолощенные кубки, плоскодонные миски, ручки от амфор. Ранее, я полагал, что связующим звеном между ареалом воронковидных кубков и ранненовосвободненскими памятниками могут служить памятники нижнемихайловского типа. Но в данный момент, благодаря работам прежде всего Ю. Я. Рассамакина (*Рассамакин 1993; 2004*), все более становится ясным, что в период триполья конца С-I–С-II, когда началось интенсивное разрушение пусть и довольно относительного, но единства трипольской культуры, в Буго-Днепровское междуречье, а затем и далее на

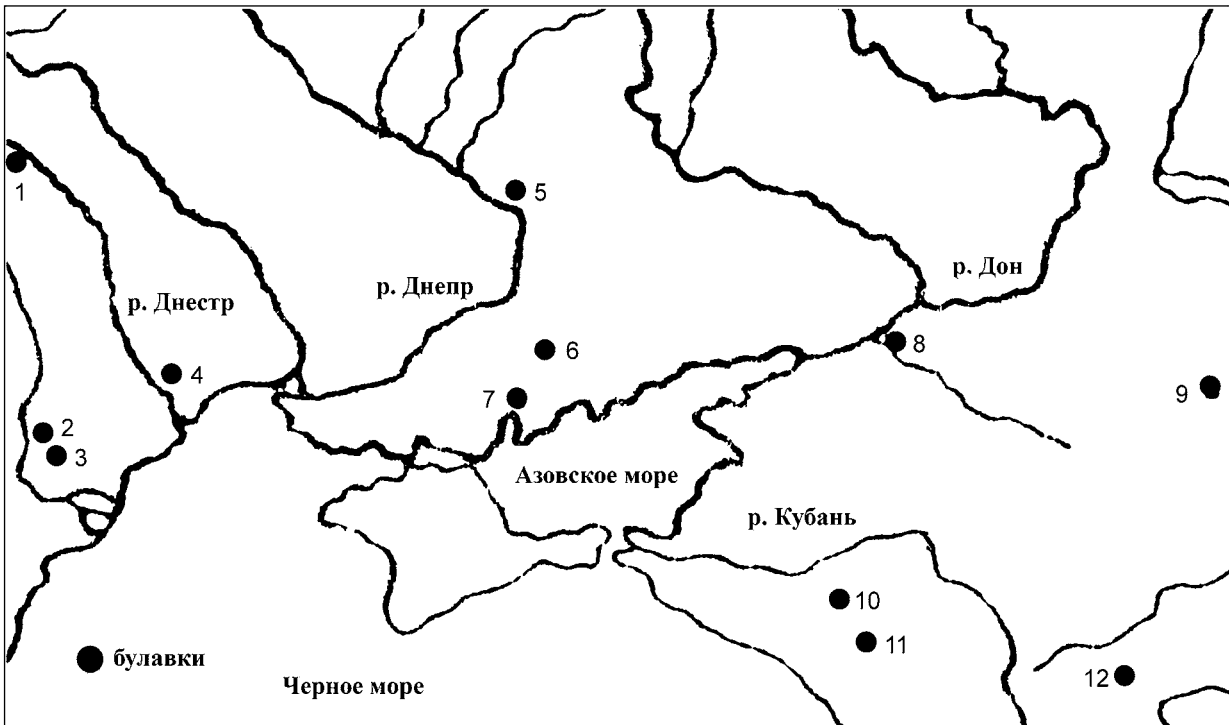

Рис. 5. Карта распространения посоховидных булавок. 1 – Бурсучены, курган 1, погребение 21; 2 – Тараклия II, курган 10, погребение 2; 3 – Болград, курган 5, основное погребение; 4 – Тирасполь, курган 3, погребение 27; 5 – Подгорное, курган 3, погребение 7; 6 – Виноградное, курган 14, погребение 1; 7 – Волчанск, курган 1, погребение 21; 8 – Койсут, курган «Радутка», погребение 24; 9 – Эвдык, курган 5, погребение 11; 10 – Синюха, курган 1, погребение 12; 11 – Клады, курган 30, погребение 1; 12 – Б. Кишпекский курган, погребение 10.

Нижний Дон и Кубань началось проникновение совершенно иных племен, оставивших после себя в Молдавии и на юге Украины и Приазовье памятники широчанско-баратовского (животиловского) типа. На Нижнем Дону эти памятники Кияшко отнес к четвертой группе (Кияшко 1994), а в Закубанье памятники этого типа я отнес к ранненовосвободненским (Резепкин 1989; Резепкин 2000). Погребальные комплексы этих памятников в степи, помимо находок сосудов гординештско-касперовского облика, а также майкопских сосудов и ранненовосвободненских кубков, отличает погребальный обряд – погребения скорченные на боку, кисти рук перед лицом, либо одна вытянута. Нередки ямы с уступом. Ю. Я. Рассамакин в целом, объединяет их в четвертую группу позднеэнеолитических погребений и считает это явление совершенно новым, не имеющим генетической подосновы в степной зоне явлением. Их датировка, по Ю. Я. Рассамакину, полностью укладывается в этап С-II, очевидно примыкая к его поздним фазам (Рассамакин 1993). И. Ф. Манзура предложил синхронизацию данных погребений с балкано-дунайскими культурами: Чернавода III – Болераз – начало культуры Фолтешть (Фолтешть I; Манзура 1992).

Думается, этот новый культурный пласт представляет собой довольно синкретичный характер, несущий в себе остатки финального триполья, весьма слабого проникновения псекупского варианта Майкопа, более раннего степного энеолита, но «несущей конструкцией» этого культурного пласта, все же является инвазия культуры ранних воронковидных кубков. В данном случае особенно важным представляется то, что по всему ареалу погребений этого типа, в них sporadически встречаются две категории находок: это плоскодонные чернолощенные кубки и булавки так называемого «болградского типа» (рис. 5; 6). Эти находки позволяют протянуть достаточно зримую нить между средней Европой и Северным Кавказом. Такой вектор распространения данных погребений вероятно можно объяснить тем, как еще в 1978 году предположили П. М. Долуханов и В. П. Третьяков, что «экстенсивные формы ведения земледелия и скотоводства, практиковавшиеся племенами – носителями воронковидных кубков, привели к относительной перенаселенности областей Центральной и Северной Европы. В этих условиях, часть избыточного населения отошла в восточном и юго-восточном направлениях в долины рек черноморского бассейна»

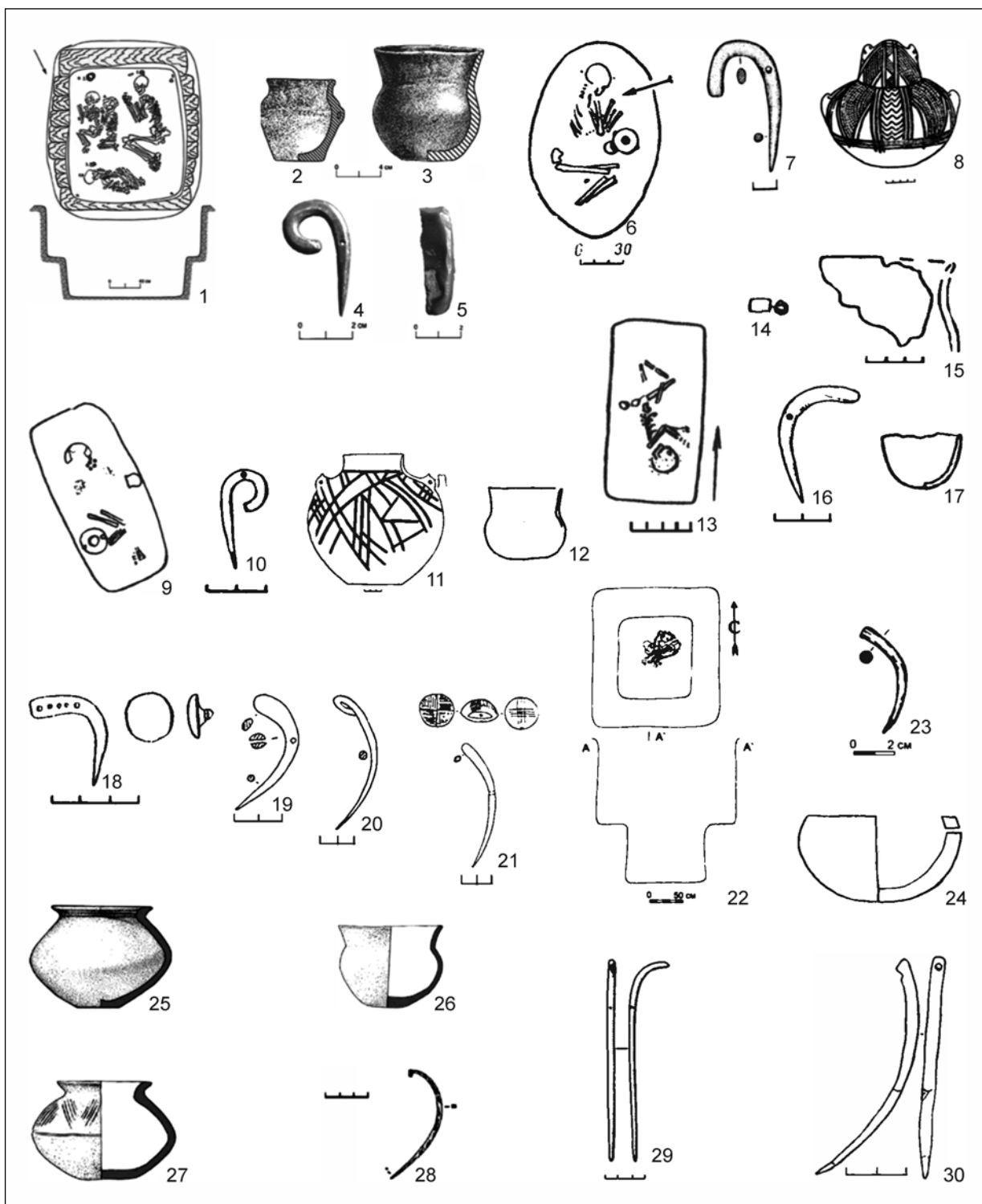

Рис. 6. Посоховидные булавки. 1–5 – Бурсучены, курган 1, погребение 21 (по Яровой 2019); 6–8 – Болград, курган 5, основное погребение (по Субботин/Шмаглий 1970); 9–12 – Тараклия II, курган 10, погребение 2 (по Агульников 1981); 13–17 – Тирасполь, курган 3, погребение 27 (по Савва 1988); 18 – Подгорное, курган 3, погребение 7 (по Ковалева 1978); 19 – Виноградное, курган 14, погребение 1 (по Рассмакин 1993); 20 – Волчанск, курган 1, погребение 21 (по Рассмакин 1993); 21 – Койсуг, курган «Радутка», погребение 24 (по Максименко 1973); 22–24 – Эвдык, курган 5, погребение 11 (по Шишлина 2007); 25–28 – Синюха, курган 1, погребение 12 (по Эрлих/Ковалев/Маслов 2013); 29 – Клады, курган 30, погребение 1 (по Резеткин 2012б); 30 – Большой Кишпекский курган, погребение 10 (по Мизиев 1984).

(Долуханов/Третьяков 1979, 47). В связи с этим я полагаю, что отправной точкой распространения кубков, а также иных форм керамики (чернолощенных амфор, плоскодонных мисок) и погребального обряда, была Центральная Европа (Резепкин 1991; 2012б; Rezerkin 2000), где все эти признаки хорошо представлены (Kossian 2005). Еще одним веским аргументом в пользу далекого распространения памятников этого типа, вплоть до Кавказа, является уже упоминавшаяся находка статуэтки серезлиевского типа на майкопском (псекупский вариант) поселении Чекон (Юдин/Кочетков 2019) и находка каменного молота в новосвободненском погребении около аула Тауйхабль в Закубанье (Резепкин 2012а, 229, рис. 100: 6). Такие молоты встречаются в азово-причерноморской зоне и наиболее близок – молот из погребения 1 кургана 7 у с. Ермолаека (Рыбалова 1964). Этот тип молотов по Ю. Я. Рассамкину по времени также укладывается во вторую половину триполья С-II (Рассамкин 2004, 10, 11). Соответственно и булавки данного типа ведут свое начало с западной части их ареала, а новосвободненские посоховидные булавки из гробниц – это не начало, а конец их развития, что и подтверждается

стратиграфическими наблюдениями в Кладах. Там погребения с кубками – типа найденных в Бурсученах и Синюхи (рис. 6: 3, 26) – и майкопской керамикой, занимают нижние стратиграфические горизонты, а гробницы с серебряными посоховидными булавками верхние (рис. 6: 29), причем серебряные посоховидные булавки найдены в четырех из пяти гробниц в Кладах, вместе с чернолощенными амфорами и мисками (Rezerkin 2000). Самой восточной находкой посоховидной булавки является погребение № 10 в Большом Кишпекском кургане в Кабардино-Балкарии (рис. 6: 30).

Одна из проблем, которая стоит перед нами в дальнейшем развитии модели происхождения позднего энеолита степей и ранней бронзы Северного Кавказа – это вопросы абсолютной хронологии. Ю. Я. Рассамкин верно отметил разницу хронологических шкал позднего триполья и майкопской культуры (Рассамкин 2004, 17). Помимо этого, даты памятников как позднего триполья, так и эпохи ранней бронзы Северного Кавказа имеют, на мой взгляд, чрезмерно широкий временной диапазон и нуждаются в конкретизации. Но это тема отдельной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агульников 1981 – С. М. Агульников: Раскопки курганов у пос. Таракия. *Археологические открытия за 1980 г.*, 1981, 386, 387.
- Бочковой и др. 2013 – В. В. Бочковой/Н. Ю. Лимберис/И. И. Марченко/А. Д. Резепкин: Поселение майкопской культуры «Чекон». В: Н. И. Кирей (ред.): *Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Выпуск 1. Сборник научных трудов.* Краснодар 2013, 5–18.
- Гей/Засовская 2013 – А. Н. Гей/Э. П. Засовская: Новые радиоуглеродные даты поселения Мысхако и майкопского поселения Чекон. В: И. И. Марченко (ред.): *Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции.* Краснодар 2013, 81–84.
- Долуханов/Третьяков 1979 – П. М. Долуханов/В. П. Третьяков: Днепо-Донецкий неолит и культура воронковидных кубков к северу от Карпат. *Acta Archaeologica Carpathica* 19, 1979, 30–37.
- Кияшко 1994 – В. Я. Кияшко: *Между камнем и бронзой. Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н. э.* Азов 1994.
- Ковалева 1978 – И. Ф. Ковалева: Погребения животиловского типа в Присамарье. В: И. Ф. Ковалева (ред.): *Курганные древности степного Поднепровья в III-I тыс. до н. э.* Выпуск 2. Днепропетровск 1978, 46–54.
- Корневский 2004 – С. Н. Корневский: *Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья.* Москва 2004.
- Корневский 2011 – С. Н. Корневский: *Древнейший металл Предкавказья.* Москва 2011.
- Корневский/Днепровский 2003 – С. Н. Корневский/К. А. Днепровский: Погребения эпохи раннего бронзового века кургана I могильника Уашхиту I в Адыгее. *Краткие сообщения Института археологии* 214, 2003, 83–94.
- Корневский/Резепкин 2008 – С. Н. Корневский/А. Д. Резепкин: Радиоуглеродная хронология памятников круга майкопского кургана и новосвободненских гробниц. *Проблемы истории, филологии, культуры* 22, 2008, 109–127.
- Ловпаче/Дитлер 1988 – Н. Г. Ловпаче/П. А. Дитлер: Псекупское поселение 1. В: А. У. Аулев (ред.): *Вопросы археологии Адыгеи.* Майкоп 1988, 105–139.
- Максименко 1973 – В. Е. Максименко: Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону – Койсугские курганы «Радутка». *Советская археология* 1, 1973, 249–254.
- Манзура 1992 – И. Ф. Манзура: Степные восточноевропейские общности энеолита – ранней бронзы в хронологической системе балкано-дунайских культур. В: В. И. Гросу (ред.): *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы.* Кишинев 1992, 87–101.
- Мизиев 1984 – И. М. Мизиев: Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III. В: В. И. Марковин (ред.): *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг.* Нальчик 1984, 88–111.
- Мунчаев 1975 – Р. М. Мунчаев: *Кавказ на заре бронзового века.* Москва 1975.
- Муслибли 2013 – Н. Муслибли: К вопросу о переднеазиатско-кавказской культурно-исторической общности позднего халколита. В: М. Н. Рагимова (ред.): *Материалы международной научной конференции: археология и этнография Азербайджана в период независимости.* Баку 2013, 57–60.

- Рассамакин 1993 – Ю. Я. Рассамакин: Энеолит степного Причерноморья и Приазовья. В: P. Georgieva (ed.): *The fourth millennium B. C. Proceedings of the International Symposium Nessebur*, 28–30 August 1992. Sofia 1993, 5–28.
- Рассамакин 2004 – Ю. Я. Рассамакин: Степи Причерноморья в контексте розвитку перших землеробских суспільств. *Археологія* 2, 2004, 3–26.
- Резепкин 1982 – А. Д. Резепкин 1982: Проблема развития и преемственности культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе. В: *Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. Ереван 1982*, 132–135.
- Резепкин 1989 – А. Д. Резепкин: *Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы*. Автореферат кандидатской диссертации. Ленинград 1989.
- Резепкин 1991 – А. Д. Резепкин: Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры. В: В. М. Массон (ред.): *Древние культуры Прикубанья*. Ленинград 1991, 167–197.
- Резепкин 2012a – А. Д. Резепкин: Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация. В: М. С. Гаджиев (ред.): *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения*. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала 2012, 125–128.
- Резепкин 2012b – А. Д. Резепкин: *Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады)*. Санкт-Петербург 2012.
- Резепкин/Поплевко 2009 – А. Д. Резепкин/Г. Н. Поплевко: Классификация мисок майкопской культуры. *Записки Института материальной культуры РАН* 4, 2009, 81–89.
- Рыбалова 1964 – В. Д. Рыбалова: Некоторые новые данные к изучению поздне трипольской культуры на Южном Буге. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 6, 1964, 79–85.
- Савва 1988 – Е. Н. Савва. Исследование кургана у г. Тирасполя. *Археологические исследования Молдавии в 1983 г.*, 1988, 44–59.
- Сорокина/Орловская 1993 – И. А. Сорокина/Л. Б. Орловская: Погребения майкопского времени Общественного II могильника в Степном Закубанье. В: И. С. Каменецкий (ред.): *Вестник шелкового пути. Археологические источники. Выпуск I*. Москва 1993, 223–261.
- Субботин/Шмаглий 1970 – Л. В. Субботин/Н. М. Шмаглий: Болградский курганный могильник. *Материалы по археологии Северного Причерноморья* 6, 1970, 116–129.
- Шишлина 2007 – Н. И. Шишлина: *Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III) тыс. до н. э.* Москва 2007.
- Яровой 2019 – Е. В. Яровой: Основные энеолитические погребения кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове (предварительная информация). *Циркумпонтика* 5, 2019, 54–68.
- Яковлев/Самойленко 2003 – А. В. Яковлев/В. Г. Самойленко: Новые погребения с майкопской керамикой на северо-востоке Ставрополя. *Краткие сообщения Института археологии* 214, 2003, 74–83.
- Эрлих/Ковалев/Маслов 2013 – В. Р. Эрлих/Д. С. Ковалев/В. Е. Маслов: Погребения эпохи бронзы курганного могильника «Синюха» в Адыгее (предварительные данные). В: И. И. Марченко (ред.): *Шестая международная археологическая конференция. Материалы конференции*. Краснодар 2013, 481–485.
- Юдин/Кочетков 2019 – А. И. Юдин/Ю. Е. Кочетков: Майкопское поселение Чекон на Кубани и проблемы культурных взаимодействий. В: Л. Н. Моргунова (ред.): *Феномены культур раннего бронзового века лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э.* Оренбург 2019, 83–87.
- Boese 1995 – J. Boese: *Ausgrabungen in Tell Sheikh Hassan 1. Vorläufige Ausgrabungskampagnen 1984–1990 und 1992–1994*. Schriften zur vorderasiatischen Archäologie 5. Saarbrücken 1995.
- Cuyler Young/Killick/Watson 1988 – T. Cuyler Young/R. G. Killick/P. I. Watson: *Excavations at Tell Rubeidheh. An Uruk village in the Jebel Hamrin*. Iraq Archaeological Reports 2. Baghdad 1988.
- Kossian 2005 – R. Kossian: *Nichtmegalithische Grabanlagen der Trichterbecherkultur in Deutschland und den Niederlanden*. Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt 58/1. Halle (Saale) 2005.
- Mazzoni 2000 – S. Mazzoni: From the Late Chalcolithic to Early Bronze I in North-West Syria: Anatolian Contact and Regional Perspective. In: C. Marro/H. Hauptmann (éds.): *Chronologies des pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe–IIIe millénaires*. Varia Anatolica 11. Paris 2000, 97–109.
- Parayre 1987–1988 – D. Parayre: Tell Leilan 1987. Sceaux et empreintes de sceaux. *Les annales archéologiques arabes syriennes* 37–38, 1987–1988, 128–141.
- Rezepkin 2000 – A. Rezepkin: *Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien*. Archäologie in Eurasien 10. Rahden/Westf. 2000.
- Rezepkin 2010 – A. Rezepkin: Metallfunde der Majkop- und der Novosvobodnaja-Kultur. In: S. Hansen (Hrsg.): *Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4–2 Jt. v. Chr.* Beiträge des Internationalen Symposiums in Berlin vom 1. – 3. Juni 2006. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 13. Bonn 2010, 95–102.
- Rezepkin 2017 – A. Rezepkin: The influence of the Near East in the formation of the Early Bronze Age in the Northern Caucasus. *Subartu* 38, 2017, 43–50.

Manuscript accepted 12. 8. 2020

Translated by Galina Poplevko

Алексей Резепкин, к.и.н.

Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Дворцовая набережная 18

Россия – 191186 Санкт-Петербург

rezepkin@mail.ru

Maykop Culture: Issue of Chronology and Cultural Relationships of the Ust-Dzheguta and Psekupsk Variants

Alexey Rezepkin

SUMMARY

The article touches upon several problems at once: 1. Isolation of the components of the addition of the Maykop culture. On the basis of their analysis and statistical processing of ceramics, the selection of local variants of culture. 2. Particular attention is paid to the supposed European component in the formation of the Early Bronze Age in the North Caucasus – the culture of funnel beakers

(early stage). 3. Through finds in burial complexes (in which black-polished funnel-shaped cups were found) of specific objects – staff-shaped pins, the path of these cups to the northwestern Caucasus was traced, where, along with the Late Uruk component, they formed the Novosvobodnaya culture and influenced the formation of the Inozemtsevo-Kostroma-variant Maykop culture.

Fig. 1. Areal of the monuments of the Maykop culture. Psekups variant: 1 – Tuzla; 2 – Fountain peninsula; 3 – Sennaya; 4 – Kepy; 5 – Natukhaevskaya; 6 – farm Rassvet; 7 – Durso; 8 – Raevskaya; 9 – Yastrebovsky; 10 – Obschestvennyj; 11 – Obschestvennyj; 12 – 742 km; 13 – Temryuk; 14 – farm Korzhevsky; 15 – Timashevskaya; 16 – Olenij; 17 – Psekups settlement; 18 – Phagugape settlement; 19 – Belyaevskoe settlement; 20 – Staromyshastovskoe settlement; 21 – Chekon settlement; 22 – Erik Orlov settlement; 23 – Maykop; 24 – Maykop I; 25 – Kelermesskaya; 26 – Chernyshov; 27 – Sereginskoe; 28 – Krasnogvardeyskoe. Ust-Dzhegutinsky variant: 29 – Zissermanov section; 30 – Kazanskaya; 31 – Armavir; 32 – Vladimirovskaya; 33 – Bolsheteginskoe; 34 – Kardonik; 35 – Ust-Dzhegutinskoe settlement; 36 – Ust-Dzhegutinsky cemetery; 37 – Voroskovolesskaya; 38 – Zanozina Balka; 39 – Goryachevodsky settlement; 40 – farm Sadki; 41 – in Sadki; 42 – Lechinkai; 43 – Kudahurt; 44 – Inozemtsevo; 45 – V. Akbash; 46 – Old Uruk; 47 – Zamankul; 48 – Sunzha; 49 – Komarovo; 50 – Galyugaevskoe; 51 – Chograi 1; 52 – Zunda Tolga; 53 – Mandjikens 1; 54 – Evdyk.

Fig. 2. Type of burials of the Ust-Dzhegutinsky variant (A1–A9, A11); type of burials of the Psekups variant (A10); metal of the Maykop culture (B1–B14).

Fig. 3. Ceramics of the Maykop culture. A – Ust-Dzhegutinsky variant; B – Psekups variant.

Fig. 4. Materials of the Chekon settlement and their parallels. 1 – statuette; 2 – seal (after *Бочковой и др. 2013*); 3–6, 11 – Chekon settlement (after *Юдин/Кочетков 2019*); 7 – Tell Rubeidheh (after *Cuyler Young/Killick/*

Watson 1988); 8 – Psekups settlement (after *Ловначев/Дитлер 1988*); 9, 10 – Belyaevskoye settlement (after *Резепкин/Поплевко 2009*); 12 – Tell Tello (Louvre, Inv. No.-A01579); 13 – Eastern Manych, barrow group 3, barrow 16, burial 13 (after *Шишлина 2007*); 14 – Sharakhalsun-6, mound 5, burial 7 (after *Яковлев/Самойленко 2003*).

Fig. 5. Map of the distribution of staff-shaped pins. 1 – Bursucheny, kurgan 1, burial 21; 2 – Taraclia II, mound 10, burial 2; 3 – Bolgrad, kurgan 5, main burial; 4 – Tiraspol, mound 3, burial 27; 5 – Podgornoye, kurgan Z, burial 7; 6 – Vinogradnoe, mound 14, burial 1; 7 – Volchansk, mound 1, burial 21; 8 – Koisug, mound Radutka, burial 24; 9 – Evdyk, kurgan 5, burial 11; 10 – Sinyukha, kurgan 1, burial 12; 11 – Klady, mound 30, burial 1; 12 – Bolshoi Kishpek, mound, burial 10.

Fig. 6. Staff-shaped pins. 1–5 – Bursucheny, kurgan 1, burial 21 (after *Яровой 2019*); 6–8 – Bolgrad, mound 5, main burial (after *Субботин/Шмаглый 1970*); 9–12 – Taraclia II, mound 10, burial 2 (after *Агульников 1981*); 13–17 – Tiraspol, mound 3, burial 27 (after *Савва 1988*); 18 – Podgornoye, kurgan Z, burial 7 (after *Ковалева 1978*); 19 – Vinogradnoe, mound 14, burial 1 (after *Рассамакин 1993*); 20 – Volchansk, kurgan 1, burial 21 (after *Рассамакин 1993*); 21 – Koisug, mound Radutka, burial 24 (after *Максименко 1973*); 22–24 – Evdyk, kurgan 5, burial 11 (after *Шишлина 2007*); 25–28 – Sinyukha, mound 1, burial 12 (after *Эрлих/Ковалев/Маслов 2013*); 29 – Klady, kurgan 30, burial 1 (after *Резепкин 2012b*); 30 – Bolshoi Kishpek kurgan, burial 10 (after *Мизиев 1984*).